

МАРИНА ЦВѢТАЕВА

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

YMCA-PRESS · PARIS

МАРИНА ЦВѢТАЕВА

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ОЛЕ-ЛУКОЙЕ“

1912

© YMCA-PRESS, 1979 .

Посвящаю эту книгу

Сергью Эфронъ.

Милый читатель! Смѣясь, какъ ребенокъ,
Весело встрѣть мой волшебный фонарь.
Искренній смѣхъ твой, да будетъ онъ звонокъ
И безотчетень, какъ встарь.

Всѣ промелькнуть въ продолженіе мига:
Рыцарь, и пажъ, и волшебникъ, и царь...
Прочь размышленья! Вѣдь женская книга—
Только волшебный фонарь!

I.

ДЪТОЧКИ.

МАМЪ.

Какъ много забвеніемъ темнымъ
Изъ сердца навѣкъ унеслось!
Печальныя губы мы помнимъ
И пышныя пряди волосъ,

Замедленный вадохъ надъ тетрадкой
И въ яркихъ рубинахъ кольцо,
Когда надъ уютной кроваткой
Твое улыбалось лицо.

Мы помнимъ о раненыхъ птицахъ
Твою молодую печаль
И капельки слезъ на рѣсницахъ,
Когда умолкала рояль.

ВЪ СУББОТУ.

Темнѣть... Готовятся къ чаю...
Дремлетъ Ася подъ маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О старой колдунѣ беззубой.

О старой колдунѣ, о гномахъ,
О принцессѣ, ушедшей закатомъ.
Какъ жутко въ лѣсахъ незнакомыхъ
Бродить ей съ невидящимъ братомъ!

Одна у колдуньи забота:
Подвести его къ пропасти прямо!
Темнѣть... Сегодня суббота,
И будетъ печальная мама.

Темнѣть... Не помнишь о часѣ.
Изъ столовой позвали насъ къ чаю.
Клубочкомъ свернувшейся Асѣ
Я страшную сказку читаю.

«КУРЛЫКЪ».

Дѣтство: молчаніе дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клыкъ;
Дѣтство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлыкъ».

Вдругъ безпричинно въ парадной столовой
Чопорной гостьѣ покажешь языкъ
И задрожнѣшь и заплачешь подѣ слово,
Глупое слово «курлыкъ».

Бѣдная Fräulein въ накидкѣ лиловой,
Шею до боли стянувшій башлыкъ,—
Все воскресаетъ подѣ милое слово,
Дѣтское слово «курлыкъ».

ПОСЛѢ ПРАЗДНИКА.

У мамы сегодня печальные глазки,
Которыхъ и дѣти и няня боятся.
Не смотрятъ они на солдатика въ каскѣ
И даже не видятъ паяца.

У мамы сегодня прозрачныя жилки
Особенно сини на маленькиихъ ручкахъ.
Она не сердита на грязныя вилки
И дѣтскія губы въ тянучкахъ.

У мамы сегодня ни пѣсенъ, ни сказки,
Блѣднѣе, чѣмъ прежде, холодныя щечки,
И даже не хочетъ въ правдивые глазки
Взглянуть она маленькой дочкѣ.

ВЪ КЛАССЪ.

Скомкали фартукъ холодныя ручки,
Вся поблѣднѣла, дрожитъ баловница.
Бабушка будетъ печальна: у внучки
Вдругъ—единица!

Смотритъ учитель, какъ будто не вѣря
Этимъ слезамъ въ опустившемся взорѣ.
Ахъ, единица большая потеря!
Первое горе!

Слезка за слезкой упали, сверкая,
Въ бѣлыхъ кругахъ уплываетъ страница...
Развѣ учитель узнаетъ, какая
Боль—единица?

НА БУЛЬВАРЪ.

Въ небѣ—вечеръ, въ небѣ—тучки,
Въ зимнемъ сумракѣ бульваръ.
Наша дѣвочка устала,
Улыбаться перестала.
Держать маленькія ручки
Синій шаръ.

Бѣднымъ пальчикамъ неловко:
Синій шаръ стремится вдаль.
Не дается счастье даромъ!
Сколько муки съ этимъ шаромъ!
Мигъ—и выскользнетъ веревка.
Что останется? Печаль.

Утомились наши ручки,
—Въ зимнемъ сумракѣ бульваръ.—
Наша дѣтка побѣжала,
Ручки сонныя разжала...
Мчится въ розовыя тучки
Синій шаръ.

СОВѢТЪ.

«Если хочешь ты папѣ совѣтомъ помочь»
Шепчетъ папа любимицѣ-дочкѣ,
«Будутъ цѣлую ночь, будутъ цѣлую ночь
Надъ тобою летать ангелочки.

Блещутъ крылышки ихъ, а на самыхъ концахъ
Шелестятъ серебристыя блестки.
Что мнѣ дѣлать, дитя, чтобъ у мамы въ глазахъ
Не дрожали печальныя слезки?

Плещутъ крылышки ихъ и шумятъ у дверей.
Всѣ цвѣта ты увидишь, всѣ краски!
Чѣмъ мнѣ мамѣ помочь? Отвѣчай же скорѣй!»
—«Я скажу: расцѣлуй ее въ глазки!

А теперь ты бѣги (только свѣчку задуй
И сложи аккуратно чулочки).
И сильнѣе бѣги, и сильнѣе цѣлуй!
Будутъ, папа, летать ангелочки?»

МАЛЬЧИКЪ СЪ РОЗОЙ.

Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзросломъ грезить вечерами!
Вотъ въ тѣни уютная кровать
И портретъ надъ нею въ темной рамѣ.

На портретѣ блондурий мальчикъ
Уронилъ увянувшую розу,
И къ губамъ его прижатый пальчикъ
Затаилъ упрямую угрозу.

Этотъ мальчикъ былъ любимецъ графа,
Съ колыбели грезившій о шпагѣ,
Но открылъ онъ, бѣдный, дверцу шкафа,
Гдѣ лежали тайныя бумаги.

Былъ онъ спрошенъ и солгалъ въ отвѣтъ
Затаивъ упрямую угрозу.
Только розу онъ любилъ на свѣтъ
И погибъ измѣнникомъ за розу.

Межъ бровей его застыла складка,
Онъ печаленъ въ потемнѣвшей рамѣ...
Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзросломъ плакать вечерами!

ДѢВОЧКА-СМЕРТЬ.

Луна омывала холодный паркетъ
Молочной и ровной волной.
Къ горячей щекъ прижимая букетъ,
Я сладко дремалъ подъ луной.

Сіянемъ и сномъ растревоженъ вдвойнѣ,
Я сонные глазки открылъ,
И дѣвочка-смерть наклонилась ко мнѣ,
Какъ розовый ангелъ безъ крылъ.

На тоненькой шеѣ дрожить медальонъ,
Румянецъ струится вдоль щекъ,
И видно бѣжала: чуть-чуть запыленъ
Ея голубой башмачекъ.

Затѣйливъ узоръ золотой бахромы,
Въ кудряхъ бирюзовая нить.
«Ты—маленькій мальчикъ, я—дѣвочка: мы
Дорогою будемъ шалить.

Надѣнь же (ты—рыцарь) мой шарфъ кружевной!»
Я, молча, ей подалъ букетъ...
Молочной и ровной, холодной волной
Луна омывала паркетъ.

МАЛЬЧИКЪ-БРЕДЪ.

Алыхъ розъ и алыхъ маковъ
Я принесь тебѣ букетъ.
Я ни въ чемъ не одинаковъ,
Я—веселый мальчикъ-бредъ.

Свѣчку желтую задую,—
Будетъ розовый фонарь.
Диадему золотую
Я надѣну, словно царь.

Полно, царь-ли? Я волшебникъ,
Повелитель сонныхъ царствъ,
Исцѣляющій лечебникъ
Безъ пилюль и безъ лекарствъ.

Что лекарства! Что пилюли!
Будемъ, дѣтка, танцовать!
Ужъ летитъ верхомъ на стулѣ
Опустѣвшая кровать.

Алый змѣй шуршитъ и вьется,
А откуда,—мой секретъ!
Я смѣюсь, и все смѣется,
Я—веселый мальчикъ-бредъ!

ПРИНЦЪ И ЛЕБЕДИ.

Въ тихій часъ, когда лучи неярки
И душа устала отъ людей,
Въ золотомъ и величавомъ паркѣ
Я кормлю спокойныхъ лебедей.

Догорѣлъ вечерній праздникъ неба.
(Ахъ, и небо устаетъ пылать!)
Я стою, роняя крошки хлѣба
Въ золотую, розовую гладь.

Уплываютъ бѣленькія крошки,
Покружась межъ листьевъ золотыхъ.
Тихій лучъ мой цѣлуетъ ножки
И дрожить на прядяхъ завитыхъ.

Затѣненъ задумчивой колонной
Я стою и наблюдаю я,
Какъ мой даръ съ печалью благосклонной
Принимають бѣлые друзья.

Въ темный часъ, когда мы все лелѣемъ,
И душа томится безъ людей,
Во дворецъ по меркнувшимъ аллеямъ
Я иду отъ бѣлыхъ лебедей.

ЗА КНИГАМИ.

«Мама, милая, не мучь же!
Мы поѣдемъ или нѣтъ?»
Я большая,—мнѣ семь лѣтъ,
Я упряма,—это лучше.

Удивительно упряма:
Скажутъ нѣтъ, а будетъ да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знаетъ мама.

«Поиграй, возьмися за дѣло,
Домикъ строй».—«А гдѣ картонъ?»
«Что за тонъ?»—«Совсѣмъ не тонъ!
Просто жить мнѣ надоѣло!

Надоѣло... жить... на свѣтѣ,
Всѣ большіе—палачи,
Давидъ Копперфильдъ»...—«Молчи!
Няня, шубу! Что за дѣти!»

Прямо въ ротъ летятъ снѣжинки...
Огонечки фонарей...
«Ну, извозчикъ, поскорѣй!
Будутъ, мамочка, картинки?»

Сколько книгъ! Какая давка!
Сколько книгъ! Я всѣ прочту!
Въ сердцѣ радость, а во рту
Вкусъ соленого прилавка.

НЕРАВНЫЕ БРАТЯ.

«Я колдунь, а ты мой братъ.»
«Ты меня посадишь въ яму!»
«Ты мой братъ и ты не радъ?»
«Спросимъ маму!»

«Хорошо, такъ ты солдатъ.»
«Я всегда игралъ за даму!»
«Ты солдатъ и ты не радъ?»
«Спросимъ маму!»

«Я придумалъ: акробатъ.»
«Не хочу такого сраму!»
«Акробатъ—и ты не радъ?»
«Спросимъ маму!»

СКУЧНЫЯ ИГРЫ.

Глупую куклу со стула
Я подняла и одѣла.
Куклу я на полъ швырнула:
Въ маму играть—надоѣло!

Не поднимаясь со стула
Долго я въ книгу глядѣла.
Книгу я на полъ швырнула:
Въ папу играть—надоѣло!

МЯТЕЖНИКИ.

Что за мука и нелѣпость
Этотъ вѣчный страхъ тюрьмы!
Насъ домой зовутъ, а мы
Строимъ крѣпость.

Какъ помочь такому горю?
Остается лишь одно:
Изловчиться—и въ окно,
Прямо къ морю!

Мы—свободные пираты,
Смѣлымъ быть—нашъ первый долгъ.
Ненавистный голосъ смолкъ.
За лопаты!

Словъ не слышно въ этомъ воѣ,
Вѣтеръ, море,—все за насъ.
Наша крѣпость поднялась,
Мы—герои!

Будетъ славное сраженье.
Ну, товарищи, впередъ!
Врагъ не ждетъ, а подождетъ
Умноженье.

ЖИВАЯ ЦЪПОЧКА.

Эти ручки кто расцѣпить,
Чья тяжелая рука?
Ихъ цѣпочка такъ легка
Подъ умильный дѣтскій лепеть.

Кто сплетенныя разниметь?
Передъ ними каждый—трусъ!
Эту тяжесть, этотъ грузъ
Кто у мамы съ шеи сниметь?

А удастся,—въ мигъ у дочки
Будутъ капельки въ глазахъ.
Будетъ дѣвочка въ слезахъ,
Будетъ мама безъ цѣпочки.

И умолкнетъ милый лепеть,
Кто то всхлипнетъ; скрипнетъ дверь...
Кто разниметъ ихъ теперь
Эти ручки, кто расцѣпить?

БАЯРДЪ.

За умноженьемъ—черепаха,
Зато чертенокъ за игрой,
Мой первый рыцарь былъ безъ страха,
Не безъ упрека, но герой!

Его въ мечтахъ носили кони,
Онъ былъ разбойникомъ въ лѣсу,
Но приносилъ мнѣ на ладони
Съ магнолій снятую росу.

Ему на шеѣ загорѣлой
Я поправляла талисманъ,
И мнѣ, какъ онъ чужой и смѣлой,
Онъ покорялся, атаманъ!

Улыбкой принцъ и школьникъ платьемъ,
Съ кудрями точно изъ огня,
Учителямъ онъ былъ проклятьемъ
И совершенствомъ для меня!

За принужденье мстилъ жестоко,—
Великій врагъ чернилъ и партъ!
И былъ, хотя не безъ упрека,
Не безъ упрека, но Баярдъ!

МАМА НА ДАЧЬ.

Мы на дачь: за лугомъ Ока серебрится,
Серебрится, какъ новый клинокъ.
Наша мама сегодня царица,
На головкѣ у мамы вѣнокъ.

Наша мама не любить тяжелой прически,—
Только время и шпильки терять!
Тихій лучикъ упалъ сквозь березки
На одну шелковистую прядь.

Въ небѣ облачко плыло и плакало, тая.
Назвала его мама судьбой.
Наша мама теперь золотая,
А вѣнокъ у нея голубой.

Два вѣночка на ней, два вѣнка, въ самомъ дѣлѣ:
Изъ цвѣтовъ, а другой изъ лучей.
Это мы васильковый надѣли,
А другой, золотистый—ничей.

Скоро вечерь: за лѣсомъ луна загорится,
На плотяхъ заблестятъ огоньки...
Наша мама сегодня царица,
На головкѣ у мамы вѣнки.

ЖАРЬ-ПТИЦА.

Максу Волошину.

Нѣтъ возможности, хоть брось!
Что ни буква—клякса,
Строчка вкривь и строчка вкось,
Строчки вѣромь,—всѣ врозь!
Нѣту силъ у Макса!

—«Баринъ, кушать!» Что ѣда!
Блюдо вѣчно блюдо
И вода всегда вода.
Что ѣда ему, когда
Ожидаетъ чудо?

У большихъ объ этомъ рѣчь,
А большіе правы.
Не спѣшить въ постельку лечь,
Долженъ птицу онъ стеречь,
Богатырь кудрявый.

Ужъ часы двѣнадцать бьютъ,
(Бой промчался рѣзкій),
Надъ подушкой сны встаютъ.
Онъ нашель себѣ прють
Въ складкахъ занавѣски.

Промелькнетъ—не Рыба-Кить,
Трудно ухватиться!
Точно радуга блеститъ!
Почему же не летитъ
Чудная Жарь-Птица?

Плакать—глупо. Онъ не глупъ,
Онъ совсѣмъ не плакса,
Не надуеъ гордыхъ губъ,—
Вѣдь Жарь-Птица, а не супъ
Ожидаетъ Макса!

Какъ варница! На хвостѣ
Золотыя блески!
Много птицъ, да все не тѣ...
На рѣсницахъ въ темнотѣ
Засіяли слезки.

Онъ тѣснѣй къ окну приникъ:
Сѣрѣя фигуры...
Вдалекѣ унылый крикъ...
—Въ эту ночь онъ все постигъ,
Мальчикъ бѣлокурый!

«ТАКЪ.»

«Почему ты плачешь?»—«Такъ.»
«Плакать «такъ» смѣшно и глупо.
Заревѣть, не кончивъ супа!
Отними отъ глазъ кулакъ!

Если плачешь, есть причина.
Я отецъ и я не врагъ.
Почему ты плачешь?»—«Такъ.»
«Ну, какой же ты мужчина?

Отними отъ глазъ кулакъ!
Что за нравъ такой? Откуда?
Разсержусь, и будетъ худо!
Почему ты плачешь?»—«Такъ.»

ВЪ СКВЕРЪ.

Пылають щеки на вѣтру.
Онъ выбранъ, онъ король!
Бѣжить, зоветь меня въ игру.
«Я всѣ игрушки соберу
Ну, мамочка, позволь!»

«Еще простудишься!»—«Ну да!»
Какъ дикіе бѣжимъ.
Разгорячились,—не бѣда,
Ужъ подружались навсегда
Мы съ мальчикомъ чужимъ.

«Ты рисовать умѣешь?»—«Нѣтъ,
А трудно?»—«Вотъ такъ труды!
Я нарисую твой портретъ».
«А рассказать тебѣ секретъ?»
«Скорѣй, меня зовутъ!»

«Не разболтаешь? Поклянись!»
Приоткрываетъ ротъ,
Остановился, смотреть внизъ:
«Ужасно стыдно, отвернись!
Ты лучше всѣхъ,—ну вотъ».

Ужъ солнце скрылось на песокъ,
Блѣднѣютъ облака,
Шумятъ деревья вдаль...
О, почему въ моей рукѣ
Не Колина рука!

ПОСЛѢ ГОСТЕЙ.

Вотъ и уходятъ. Запѣли вдали
Жалобнымъ скрипомъ ворота.
Грустная, грустная нота...
Вотъ и ушли.

Мама сережки сняла,—почему?
И отстегнула браслеты,
Спрятала въ шкафчикъ конфеты,
Точно въ тюрьму.

Красную мебель, отраду дѣтей,
Мама въ чехлы одѣваетъ...
Это всегда такъ бываетъ
Послѣ гостей!

КОНЕЦЪ СКАЗКИ.

«Таеъ царевна, какъ свѣчка,
Руки сложила крестомъ,
На золотое колечко
Грустно глядитъ.»—«А потомъ?»

«Вдругъ за оградю—трубы!
Рыцарь летитъ со щитомъ.
Расцѣловаль ее въ губы,
Къ сердцу прижалъ.»—«А потомъ?»

«Свадьбу сыграли на диво
Въ замкъ ея золотомъ.
Время проводятъ счастливо,
Дѣтокъ растятъ.»—«А потомъ?»

БОЛѢЗНЬ.

«Полюбился ландышъ бѣлый
Одиною резедѣ.

Что зѣваешь?»—«Надоѣло!»

«Гдѣ болить?»—«Нигдѣ!»

«Забавлялъ ее на грядкѣ
Болтовнею красный макъ.

Что надулся?»—«Ландышъ гадкій!»

«Почему?»—«Да такъ!»

«Видно счастье въ этомъ макѣ,
Быть у краснаго въ плѣну!..

Что смѣешься?»—«Воленъ всякій!»

«Баловникъ!»—«Да ну?»

«Полюбился онъ невольню
Одиною резедѣ.

Что вздыхаешь?»—«Мама, больно!»

«Гдѣ болить?»—«Вездѣ!»

ВЪ СОННОМЪ ЦАРСТВѢ.

Скрипнуло... Въ темной кладовкѣ
Крысы поджали хвосты.
Двѣ золотистыхъ головки,
Шепоть: «Ты спишь?»—«Нѣтъ, а ты?»

Вотъ задремала и свѣчка,
Дремлетъ въ графинѣ вода.
Два безпокойныхъ сердечка,
Шепоть: «Уйдемъ!»—«А куда?»

Добрыя очи Страдальца
Грустно глядятъ съ высоты.
Два голубыхъ одѣяльца,
Шепоть: «Ты спишь?»—«Нѣтъ, а ты?»

БАБУШКИНЪ ВНУЧЕКЪ.

Серезъ.

Шпагу, смѣясь, подвѣсилъ,
Люстру потрогаль—звонъ...
Маленькій мальчикъ весель:
Бабушкинъ внучекъ онъ!

Скучно играть въ портретной,
Дѣвичья ждетъ, балконъ.
Комнаты нѣтъ запретной:
Бабушкинъ внучекъ онъ!

Если въ гостиной странной
Жутко ему колоннъ,
Можетъ уснуть въ диванной:
Бабушкинъ внучекъ онъ!

Свѣтлый межъ темныхъ кресель
Мальчику снится сонъ.
Мальчикъ и сонный весель:
Бабушкинъ внучекъ онъ!

Коктебель,
13-го мая 1911 г.

ВЕНЕРА.

Сережа.

I.

Въ небо рученками тянется,
Строить въ песокъ купола...
Нѣжно вечерняя странница
Въ небо его позвала.

Пусть на землѣ увяданіе,
Надъ колыбелькою крестъ!
Мальчикъ ушелъ на свиданіе
Съ самою нѣжной изъ звѣздъ.

II.

Ахъ, не даромъ лучше хлѣба
Жаднымъ глазкамъ балаганъ
Темнокудрый мальчуганъ,
Онъ не даромъ смотритъ въ небо!

По душѣ ему курганъ,
Воля, поле, даль безъ мѣры...
Онъ рожденъ въ лучахъ Венеры,
Голубой звѣзды цыганъ.

*Коктебель,
18-го мая 1911 г.*

КОНТРАБАНДИСТЫ И БАНДИТЫ.

Серезжь.

Онъ послѣ книги весь усталый,
Его пугаетъ темнота...
Но это вадорь! Его мечта—
Контрабандисты и кинжалы.

На наши ровныя мѣста
Глядить въ окно глазами серны.
Контрабандисты и таверны
Его любимая мечта.

Онъ странно-дикъ, ему изъ школы
Не ждаты похвальнаго листа.
Что бѣдный листъ, когда мечта—
Контрабандисты и pistols!

Что все мѣрское суета
Пусть говоритъ аббатъ сердитый,—
Контрабандисты и бандиты
Его единая мечта!

*Коктебель,
Змѣиный гротъ.*

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДАМА.

Сѣрый осликъ твой ступаетъ прямо,
Не страшны ему ни бездна, ни рѣка...
Милая Рождественская дама,
Увези меня съ собою въ облака!

Я для ослика достану хлѣба,
(Не увидятъ, не услышатъ,—я легка!)
Я игрушекъ не возьму на небо...
Увези меня съ собою въ облака!

Изъ кладовки, чуть задремлетъ мама,
Я для ослика достану молока.
Милая Рождественская дама,
Увези меня съ собою въ облака!

БЪЛОСНѢЖКА.

Александру Давидовичу Топольскому.

Спать Бѣлоснѣжка въ хрустальномъ гробу.
Карлики горько рыдаютъ, малютки.
Изъ незабудокъ вѣночекъ на лбу
И на груди незабудки.

Воронъ—печальный сидитъ на дубу.
Спать Бѣлоснѣжка въ хрустальномъ гробу.

Плачется карликъ въ смѣшномъ колпакѣ,
Плачется: «Плохо ее берегли мы!»
Бѣлую ленту сжимаетъ въ рукѣ
Маленькій карликъ любимый.

Средній—печальный играетъ въ трубу.
Спать Бѣлоснѣжка въ хрустальномъ гробу.

Старшій у гроба стоитъ на часахъ,
Смотритъ и ждетъ, не мелькнетъ ли усмѣшка.
Спать Бѣлоснѣжка съ вѣнкомъ въ волосахъ,
Не оживетъ Бѣлоснѣжка!

Воронъ—печальный сидитъ на дубу.
Спать Бѣлоснѣжка въ хрустальномъ гробу.

ДѢТСКІЙ ДЕНЬ.

Утро... По утрамъ мы
Пасмурны всегда.
Лучшіе года
Отравляютъ гаммы.

Ждетъ опасный путь,
Бой и брилліанты,—
Скучные диктанты
Не даютъ вдохнуть!

Сумерки... Къ вечернѣ
Слышенъ дальній звонъ.
Но не доплетенъ
Нашъ вѣнецъ изъ терній.

Слышится: «разъ, два!»
И летятъ изъ дѣтской
Пѣсенки нѣмецкой
Глупыя слова.

ПРІВЗДЪ.

Воугласами звонкими
Полонъ экипажъ.
Ахъ, когда же вынырнетъ
Съ бѣлыми колонками
Старый домикъ нашъ!

Въ экипажѣ лѣсенки,
(Каждый о своемъ!)
Вотъ аллея длинная,
А въ концѣ у лѣсенки
Синій водоемъ.

«Тише вы, проказники!»
И творить кресты,
Плачетъ няня старая.
Воротá, какъ въ праздники,
Настежъ отперты.

Вышла за колонки я,—
Радостно до слезъ!
А вверху качаются
Юныя и тонкія
Вѣточки березъ.

ПАРОМЪ.

Темной ночью въ тарантасъ
Вдемъ съ фонаремъ.
«Ася, спишь?» Не спится Асѣ:
Впереди паромъ!

Вдемъ шагомъ (въ гору тяжело),
Въ сонномъ полѣ громъ.
«Ася, слышишь?» Спать бѣдняжка,
Проспала паромъ!

Въ темнотѣ Ока блеснула
Жидкимъ серебромъ.
Ася глазки разомкнула...
«Подавай паромъ!»

ОСЕНЬ ВЪ ТАРУСЪ.

Ясное утро не жарко,
Лугомъ бѣжишь налегкѣ.
Медленно тянется барка
Внизъ по Окѣ.

Нѣсколько словъ поневолѣ
Все повторяешь подъ рядъ.
Гдѣ-то бубенчики въ полѣ
Слабо звенять.

Въ полѣ звенять? На лугу-ли?
Ѣдутъ ли на молотьбу?
Глазки на мигъ заглянули
Въ чью-то судьбу.

Синяя даль между сосенъ,
Говоръ и гулъ на гумнѣ...
И улыбается осень
Нашей веснѣ.

Жизнь распахнулась, но все-же...
Ахъ, золотые деньки!
Какъ далеки они, Боже!
Господи, какъ далеки!

II.

ДѢТИ РАСТУТЪ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ АСЪ.

Спи, царевна! Ужь въ долинѣ
Колоколь затихъ,
Ужь коснулся сумракъ синій
Башмачковъ твоихъ.

Чуть колышутся березы,
Вѣтерокъ свѣжѣй.
Ты во снѣ увидишь слезы
Брошенныхъ пажей.

Тронетъ землю легкимъ взмахомъ
Трепетный плюмажъ.
Обо всемъ шепнетъ со страхомъ
Непокорный пажъ.

Будутъ споры... и уступки,
(Ахъ, нельзя безъ нихъ!)
И коснутся чьи-то губки
Башмачковъ твоихъ.

ПОДРАСТАЮЩЕЙ.

Опять за окнами снѣжокъ
Свѣтло украсилъ ель...
Зачѣмъ переросла, дружокъ,
Свою ты колыбель?

Летять снѣжинки, льнуть ко всѣмъ
И таютъ безъ числа...
Зачѣмъ ты, глупая, зачѣмъ
Ее переросла?

Въ ней не давила тяжесть дней,
Въ ней такъ легко спалось!
Теперь глаза твои темнѣй
И золото волосъ...

Широкій міръ твой взглядъ зажегъ
Но счастье дастъ тебѣ-ль?
Зачѣмъ переросла, дружокъ,
Свою ты колыбель?

ВЪ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЬ.

Звенять-поютъ, забвенію мѣшая,
Въ моей душѣ слова: «пятнадцать лѣтъ.»
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нѣтъ!

Еще вчера въ зеленія березки
Я убѣгала, вольная, съ утра.
Еще вчера шалила безъ прически,
Еще вчера!

Весенній звонъ съ далекихъ колоколенъ
Мнѣ говорилъ: «Побѣгай и прилягъ!»
И каждый крикъ шалунѣ былъ позволенъ,
И каждый шагъ!

Что впереди? Какая неудача?
Во всемъ обманъ и, ахъ, на всемъ запретъ!
—Такъ съ милымъ дѣтствомъ я прощалась, плача,
Въ пятнадцать лѣтъ.

ВОЛШЕБНИКЪ.

Непонятный учебникъ
Чуть умолкли шаги я на стуль уронила скорѣй.
Вдругъ я вижу: стоять у дверей
И не знаетъ, войти-ли и хитро мигаетъ волшебникъ.

До земли борода,
Темный плащъ розоватымъ огнемъ отлиываетъ...
И стоять и киваетъ
И кивая глядитъ, а подъ каждою бровью—звѣзда.

Я навстрѣчу и мигомъ
Незнакомому гостю свой стуль подаю.
«Знаю мудрость твою,
Вѣдь и самъ ты не другъ непонятнымъ и путанымъ книгамъ.

Я устала отъ книгъ!
Развѣ сердце отъ словъ напечатанныхъ бьется?»
Онъ стоять и смѣется:
«Ты, шалунья, права! Я для дѣтокъ веселый шутникъ.

Что для взрослыхъ—вериги,
Для шалуньи, какъ ты, для свободной души—волшебство.
Такъ проси же всего!»
Я за шею его обняла: «Уничтожь мои книги!

Я веселья не вижу ни въ чемъ,
Я на маму сержусь, я съ учителемъ спорю.
Увези меня къ морю!
Посильнѣй обними и покрѣпче укутай плащомъ!

Надоѣвшій учебникъ
Развѣ стоитъ твоихъ серебристыхъ и пышныхъ кудрей?
Вдругъ я вижу: стоитъ у дверей
И не знаетъ, уйти-ли и грустно киваетъ волшебникъ.

ПЕРВАЯ РОЗА.

Дѣвочка мальчику розу дарить,
Первую розу съ куста.
Дѣвочку мальчикъ цѣлуетъ въ уста,
Первымъ лобзаньемъ дарить.

Солнышко скрылось, аллея пуста...
Стыдно въ уста цѣловать!
Дѣвочка, надо-ли было срывать
Первую розу съ куста?

ИСПОВѢДЬ.

Улыбаясь, милымъ крошкой звали,
Для игры сажали на колѣни...
Я дрожалъ отъ ихъ прикосновеній
И не смѣлъ уйти, уже неправый.
А онъ упрянца для забавы
Цѣловали!

Въ ихъ очахъ я видѣлъ океаны,
Въ ихъ рѣчахъ я пѣнье ночи слышалъ.
«Ты поэтъ у насъ! Въ кого ты вышелъ?»
Сколько горечи въ такихъ вопросахъ!
Вѣдь ко мнѣ клонился въ темныхъ косахъ
Ликъ Татьяны!

На зарѣ я приносилъ букеты,
У дверей шепча съ послѣдней дрожью:
«Если да,—зачѣмъ же мучить ложью?
Если нѣтъ,—зачѣмъ же цѣловали?»
А онъ съ улыбкою давали
Мнѣ конфеты.

УГОЛЬКИ.

Въ эту ночь онъ спать не легъ,
Все писалъ при свѣчкѣ.
Это видѣлъ въ печкѣ
Красный уголекъ.

Мальчикъ плакалъ и вздыхалъ
О другомъ сердечкѣ.
Это въ темной печкѣ
Уголекъ слыхалъ.

Всѣ чужіе... Богъ далекъ...
Не было-бъ осѣчки!
Гаснетъ, гаснетъ въ печкѣ
Красный уголекъ.

ДИКАЯ ВОЛЯ.

Я люблю такія игры,
Гдѣ надменны всѣ и злы.
Чтобъ врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пѣлъ надменный голосъ:
«Гибель здѣсь, а тамъ тюрьма!»
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь,—за мною пасти,
Я смѣюсь,—въ рукахъ арканъ...
Чтобы рвалъ меня на части
Ураганъ!

Чтобы всѣ враги—герои!
Чтобъ войной кончался пиръ!
Чтобы въ міръ было двое:
Я и міръ!

ГИМНАЗИСТКА.

Я сегодня всю ночь не усну
Отъ волшебнаго майскаго гула!
Я тихонько чулки натянула
И скользнула къ окну.

Я—мятежница съ вихремъ въ крови,
Признаю только холодъ и страсть я.
Я читала Буржэ: нѣту счастья
Внѣ любви!

«Онъ» отвержень съ двѣнадцати лѣтъ,
Только Листа играетъ и Грига
Онъ умень и начитанъ, какъ книга,
И поэтъ!

За одинъ его пламенный взглядъ
На колѣни готова упасть я!
Но родители нашего счастья
Не хотятъ...

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ.

У насъ за робостью лица
Скрывается иное.
Мы непокорныя сердца,
Мы молоды. Намъ трое.

Мы за урокомъ такъ тихи,
Такъ пламенны въ манежѣ.
У насъ похожіе стихи
И сны одни и тѣ же.

Служить свободѣ—нашъ девизъ,
И кончить, какъ герои.
Мы тѣнью Шиллера клялись.
Мы молоды. Намъ трое.

ПОКЛОННИКЪ БАЙРОНА.

Ему въ окно стучатся розы,
Струится вкрадчивый аккордъ...
Онъ не измѣнитъ гордой позы,
Поклонникъ Байрона,—онъ гордъ.

Въ саду изъ бархата и блесокъ
Шалить съ пастушкою амуръ.
Не улыбается подростокъ,
Поклонникъ Байрона,—онъ хмуръ.

Чу! За окномъ плесканье весель,
На подоконникъ букетъ...
Онъ задрожалъ, онъ книгу бросилъ.
Прости поклоннику, поэтъ!

„ОНЪ БЫЛЪ СИНЕГЛАЗЫЙ И РЫЖІЙ..“

Костюмчикъ полинялый
Мелькаетъ подъ горой.
Зоветь меня на скалы
Мой маленькій герой.

Ужь открываетъ гдѣ-то
Зеленый глазъ маякъ.
Печально ждетъ отвѣта
Мой маленькій морякъ.

Ужь въ зеркалѣ залива
Холодный серпъ блеститъ.
Вадыхаешь терпѣливо
Мой маленькій бандитъ.

Сердечко проситъ ласки,—
Тому виною мартъ.
И вытираетъ глазки
Мой маленькій Баярдъ.

ПОДЪ ДОЖДЕМЪ.

Медленный дождикъ идетъ и идетъ,
Золото мочить кудрей.
Дѣвочка тихо стоитъ у дверей,
Дѣвочка ждетъ.

Сѣрныя тучи, а думы сѣрны,
Думы: «Придетъ? Не придетъ?»
Мальчикъ, иди-же, бѣги же скорѣй:
Дѣвочка ждетъ!

Съ каждымъ мгновеньемъ, летящимъ впередъ,
Дѣтское сердце мудрѣй.
Долго-ли, мальчикъ, у первыхъ дверей
Дѣвочка ждетъ?

ДѢТСКІЙ ЮГЪ.

Въ каждомъ случайномъ объятѣ
Я вспоминаю ее,
Дѣтское сердце мое,
Дѣвочку въ розовомъ платьѣ.

Гдѣ-то въ горахъ огоньки,
(Видно душа надъ могилой.)
Синіе главки у милой
И до плечей завитки.

Облакомъ парь изъ пекаренъ,
Воздухъ удушливый прянь,
Гдѣ-то рокочетъ фонтанъ,
Что-то лопочетъ татаринъ.

Жмутся къ холодной щекѣ
Похолодѣвшія губки;
Нѣжныя ручки такъ хрупки
Въ похолодѣвшей рукѣ...

Въ чьемъ опьяненномъ объятѣ
Ты обрѣла забытье,
Лучшее сердце мое,
Дѣвочка въ розовомъ платьѣ.

*Гурзуфъ,
Генуэзская крѣпость,
апрѣль 1911 г.*

ТОЛЬКО ДѢВОЧКА.

Я только дѣвочка. Мой долгъ
До брачнаго вѣнца
Не забывать, что всюду—волкъ
И помнить: я—овца.

Мечтать о замкѣ золотомъ,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потомъ
Не куклу, а почти.

Въ моей рукѣ не быть мечу,
Не зазвенѣть струнѣ.
Я только дѣвочка,—молчу.
Ахъ, если-бы и мнѣ

Взглянувъ на звѣзды знать, что тамъ
И мнѣ звѣзда зажглась
И улыбаться всѣмъ глазамъ,
Не опуская глазъ!

ТВЕРСКАЯ.

Вотъ и міръ, гдѣ сіяютъ витрины,
Вотъ Тверская,—мы вѣчно тоскуемъ о ней.
Кто для Аси нужнѣе Марины?
Милой Асеньки кто мнѣ нужнѣй?

Мы идемъ, оживленныя, рядомъ,
Все впивая: закатъ, фонари, голоса
И подъ чьимъ-нибудь пристальнымъ взглядомъ
Иногда опуская глаза.

Только намъ огоньками сверкая,
Только нашъ онъ, московскій вечерній апрѣль.
Варослымъ—улица, намъ же Тверская—
Полувзрослыхъ сердцецъ колыбель.

Колыбель золотого разсвѣта,
Удивленія міру, что утромъ дано...
Вотъ окно съ брилліантами Тэта,
Вотъ съ огнями другое окно...

Все поймемъ мы чутьемъ или вѣрой,
Всю подавѣздную даль и небесную ширь!
Возвышаясь надъ площадью сѣрой
Розовѣтъ Страстной монастырь.

Мы идемъ, ни на мигъ не смолкая.
Всѣ родныя—слова, всѣ родныя—черты!
О, апрѣль незабвенный—Тверская,
Колыбель нашей юности ты!

III.
НЕ НА РАДОСТЬ.

МОЛИТВА ВЪ СТОЛОВОЙ.

Самоваръ отшумѣвшій заглохъ;
Погружается домъ въ полутьму.
Мнѣ счастья не надо,—ему
Отдай мое счастье, Богъ!

Зимній сумракъ касается розъ
На обояхъ и яркихъ углей.
Пошли ему вечеръ свѣтлѣй,
Теплѣе, чѣмъ мнѣ, Христось!

Я сдержу и улыбку и вадохъ,
Я съ проклятіемъ рукъ не сожму,
Но только—дай счастье ему,
О, дай ему счастье, Богъ!

Мы съ тобою лишь два отголоска:
Ты затихнулъ, и я замолчу.
Мы когда-то съ покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшимъ недугомъ
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другомъ
Мнѣ порою до слезъ тяжело.

Станетъ горечь улыбкою скоро,
И усталостью станетъ печаль.
Жаль не слова, повѣрь, и не взора,—
Только тайны утраченной жаль!

Отъ тебя, утомленный анатомъ,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братомъ
Мнѣ порою до слезъ тяжело.

ЮНГЪ.

Сыплють волны, съ колесами споря,
Серебристая брызги вокругъ.
Ни смущенія въ сердцахъ, ни горя,—
Будь счастливымъ, мой маленькій другъ!

Въ синеву безпокойнаго моря
Выплываетъ отважный фрегатъ.
Ни смущенія въ сердцахъ, ни горя,—
Будь счастливымъ, мой маленькій братъ!

ОЧАГЪ МУДРЕЦА.

Не поэтомъ онъ былъ: въ незнакомомъ
Не искалъ позабытыхъ созвучій,
Безъ гнѣва на звѣзды и тучи
Наклонялся надъ греческимъ томомъ.

За окнами жизньъ засыпала,
Уступала забвенью измѣна,
За окнами пышная гѣна
За фонтаномъ фонтанъ разсыпала.

Въ тотъ вечеръ случилось (вѣдь—странно,
Мы не знаемъ грядущаго мига!),
Что съ колѣнъ его мудрая книга
На коверъ соскользнула неожиданно.

И комната стала каютой,
Гдѣ душа говоритъ съ тишиною...
Онъ плылъ, убаюканъ волною,
Окруженный волненьемъ и смутой.

Дорогіе, знакомые виды
Изъ рамъ потемнѣвшихъ кивали,
А за окнами тамъ проплывали
И вздыхали, пльвя, Нереиды.

ПУТЬ КРЕСТА.

Сколько свѣтлыхъ возможностей ты погубилъ, не желая
Было больше ихъ въ сердцахъ, чѣмъ въ небѣ сіяющихъ
звѣздъ.

Лучезарнаго дня послѣ столькихъ мученій ждала я,
Получила лишь крестъ.

Что горѣло во мнѣ? Назови это чувство любовью,
Если хочешь, иль сномъ, только правды отъ сердца не
скрой:

Я сумѣла бы, другъ, подойти къ твоему изголовью
Осторожной сестрой.

Я кумировъ твоихъ не коснулась бы дерзко и смѣло,
Ни любимыхъ именъ, ни безумно-оплаканныхъ книгъ.
Какъ больное дитя я тебя-бъ убаюкать сумѣла
Въ неутѣшенный мигъ.

Сколько свѣтлыхъ возможностей, милый, и сколько смя-
теній!
Было больше ихъ въ сердцахъ, чѣмъ въ небѣ сіяющихъ
звѣздъ...

Но во имя твое я безъ слезъ—мнѣ свидѣтели тѣни—
Поднимаю свой крестъ.

ПАМЯТЮ СЕРДЦА.

Памятью сердца—вѣнкомъ забудокъ
Я окружила твой милый портретъ.
Днемъ утоляетъ и лѣчитъ разумокъ,
Вечеромъ—нѣтъ.

Бродягъ шаги въ опечаленной залѣ,
Бродягъ и ждутъ, не идутъ ли въ отвѣтъ.
«Все важиваетъ», мнѣ люди сказали...
Вечеромъ—нѣтъ.

ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Въ мои глаза несмѣло
Ты хочешь заглянуть.
За лугомъ солнце сѣло...
Мой мальчикъ, добрый путь!

Любви при первой встрѣчѣ
Отдайся и забудь.
Ужъ на балконѣ свѣчи...
Мой мальчикъ, добрый путь!

Успокоенье—сердцу,
Позволь ему уснуть!
Я распахнула дверцу...
Мой мальчикъ, добрый путь!

ПОБѢДА.

Но и у насъ есть волшебная чаша,
(Въ сонные дни вы потянетесь къ ней!)
Но и у насъ есть улыбка, и наша
Тайна темнѣй.

Тѣнь Эвридики и факель Гекаты,—
Все промелькнетъ, исчезая въ одномъ.
Наша побѣда: мы вѣчно богаты
Новымъ виномъ!

ВЪ РАЮ.

Воспоминанье слишкомъ давить плечи,
Я о земномъ заплачу и въ раю,
Я старыхъ словъ при нашей новой встрѣчѣ
Не утаю.

Гдѣ сонмы ангеловъ летаютъ стройно,
Гдѣ арфы, лиліи и дѣтскій хоръ,
Гдѣ все покой, я буду безпокойно
Ловить твой взоръ.

Видѣнья райскія съ усмѣшкой провожая,
Одна въ кругу невинно-строгихъ дѣвъ,
Я буду пѣть, земная и чужая,
Земной напѣвъ!

Воспоминанье слишкомъ давить плечи,
Настанетъ мигъ,—я слезъ не утаю...
Ни здѣсь, ни тамъ,—нигдѣ не надо встрѣчи,
И не для встрѣчъ проснемся мы въ раю!

НИ ЗДѢСЬ, НИ ТАМЪ.

Опять сіяющимъ крестамъ
Поютъ хвалу колокола.
Я вся дрожу, я поняла,
Они поютъ: «и здѣсь и тамъ».

Улыбка просится къ устамъ,
Еще стремительнѣй хвала...
Какъ ошибиться я могла?
Они поютъ: «не здѣсь, а тамъ».

О, пусть сіяющимъ крестамъ
Поютъ хвалу колокола...
Я слишкомъ ясно поняла:
«Ни здѣсь, ни тамъ... Ни здѣсь, ни тамъ»...

ПОСЛѢДНЯЯ ВСТРѢЧА.

О, я помню прощальныя рѣчи,
Ихъ шептавшія помню уста.
«Только чистымъ даруются встрѣчи.
Мы увидимся, будь же чиста».

Я учителю молча внимала.
Быль онъ нѣжность и ласковость весь.
Онъ о «тамъ» говорилъ, но какъ мало
Это «тамъ» замѣняло мнѣ «здѣсь»!

Тишина посылается рокомъ,—
Тѣмъ и вѣчны слова, что тихи.
Говорилъ онъ о самомъ глубокомъ,
Баратынскаго вспомнилъ стихи;

Говорилъ о игрѣ отраженій,
О лучахъ закатившихся звѣздъ...
Я не помню его выраженій,
Но улыбку я помню и жестъ.

Ни слѣда отъ былого недуга,
Не мучительно бремя креста.
Только чистые уарять другъ друга,—
Мой любимый, я буду чиста!

НА ЗАРЬ.

Ихъ души невѣдомымъ счастьемъ
Баюкаль предутренній гуль.
Онъ съ тайнымъ и страннымъ участьемъ
Въ ихъ дѣтскіе сны заглянулъ.

И, сладкимъ предчувствіемъ ранень
Какихъ-то безудержныхъ грозъ,
Спросилъ онъ, и былъ имъ такъ странень
Его непонятный вопросъ.

Онъ, притаясь, промолчали
И молча порвали звено...
За мигъ безконечной печали
Да будетъ ему прощено!

И какъ прежде онѣ улыбались,
Обожая измѣнчивый дымъ;
И какъ прежде онѣ ошибались,
Улыбаясь ошибкамъ своимъ;

И какъ прежде онѣ безустанно
Отдавались нежданной волнѣ.
Но по новому грустно и странно
Вечерами молчали онѣ.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА.

«Не уходи», онъ шепнули съ лаской,
«Будь съ нами весь!
Ты видишь самъ, какой неожиданной сказкой
Ты встрѣченъ здѣсь.

«О, подожди», онъ просили нѣжно,
Съ мольбою рукъ.
«Смотри, темно на улицахъ и снѣжно...
Останься, другъ!

О, не буди! На улицахъ морозно...
Намъ нуженъ сонъ!»
Но этотъ крикъ послѣдній слишкомъ поздно
Разслышалъ онъ.

И ужь опять онѣ въ полустомѣ
О каждомъ снѣ волнуются тайкомъ;
И ужь опять въ полууснувшемъ домѣ
Ведутъ бесѣду съ давнимъ дневникомъ.

Опять подѣ музыку на маленькомъ диванѣ
Звенить-звучить таинственный рассказъ
О рудникахъ, о мертвомъ караванѣ,
О подземельѣ, гдѣ зарыть алмазь.

Улыбка сумерокъ, какъ прежде, въ окна льется;
Какъ прежде имѣ о лампѣ думать лѣнь;
И ужь опять изъ темнаго колодца
Встаетъ Ундины плачущая тѣнь.

Да, мы по прежнему мечтою сердце лечимъ,
Въ недѣтскій бредъ вплетая дѣтства нить,
Но близокъ день,—и станетъ грезить нечѣмъ,
Какъ и теперь уже намъ нечѣмъ жить!

ДЕКАБРЬСКАЯ СКАЗКА.

Мы слишкомъ молоды, чтобы простить
Тому, кто въ насъ развѣялъ чары.
Но, чтобъ о немъ, ушедшемъ, не грустить,
Мы слишкомъ стары!

Былъ замокъ розовый, какъ зимняя заря,
Какъ міръ—большой, какъ вѣтеръ—древній.
Мы были дочери почти царя,
Почти царевны.

Отецъ—волшебникъ былъ, сѣдой и злой;
Мы, разсердясь, его сковали;
По вечерамъ, склоняясь надъ золой,
Мы колдовали;

Оленя быстро изъ рога пили кровь,
Сердца разглядывали въ лупы...
А тотъ, кто вѣрить могъ, что есть любовь,
Казался глупый.

Однажды вечеромъ пришелъ изъ тьмы
Печальный принцъ въ одеждѣ сѣрой.
Онъ говорилъ безъ вѣры, ахъ, а мы
Внимали съ вѣрой.

Разсвѣтъ декабрьскій глядѣль въ окно
Алѣли робкимъ свѣтомъ дали...
Ему спалось и было все равно,
Что мы страдали!

Мы слишкомъ молоды, чтобы забыть
Того, кто въ насъ развѣялъ чары.
Но, чтобъ опять такъ нѣжно полюбить—
Мы слишкомъ стары!

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Встрѣтимъ пришельца лампадкой,
Тихимъ и вѣрнымъ огнемъ.
Только ни вздоха украдкой,
Ни вздоха о немъ!

Яркого свѣта не надо,
Лампу совсѣмъ привернемъ.
Только о лучшемъ ни взгляда,
Ни взгляда о немъ!

Пусть въ треволненъѣ безопасномъ
Годъ намъ покажется днемъ!
Только ни мысли о вѣчномъ,
Ни мысли о немъ!

Станемъ «сестричками» снова,
Крѣпче другъ къ другу прильнемъ.
Только о прошломъ ни слова,
Ни слова о немъ!

ДЕКАБРЬ И ЯНВАРЬ.

Въ декабрь на зарѣ было счастье,
Длилось—мигъ.
Настоящее, первое счастье
Не изъ книгъ!

Въ январь на зарѣ было горе,
Длилось—часъ.
Настоящее, горькое горе
Въ первый разъ!

СЛЕЗЫ.

Слезы? Мы плачемъ о темной передней,
Гдѣ канделябра никто не зажегъ;
Плачемъ о томъ, что на крышѣ сосѣдней
Стаялъ снѣжокъ;

Плачемъ о юныхъ, о вешнихъ березкахъ,
О несмолкающемъ звонѣ въ тѣни;
Плачемъ, какъ дѣти, о всѣхъ отголоскахъ
Въ майскіе дни.

Только слезами мы путь обозначимъ
Въ міръ упоеній, не данный судьбой...
И надъ озябшимъ котенкомъ мы плачемъ,
Какъ надъ собой.

Отнято все,—и покой и молчанье.
Милый, ты много изъ сердца унесъ!
Но не сумѣлъ унести на прощанье
Нѣсколькихъ слезъ.

ÆTERNUM VALE.

Æternum vale! Сброшенъ крестъ!
Иду искать подъ новымъ бредомъ
И новыя бездны и новыя звѣзды,
Отъ пораженія—къ побѣдамъ!

Æternum vale! Духъ окрѣпъ
И новымъ сномъ изъ сна разбужень.
Я вся—любовь, и мягкій хлѣбъ
Дареной дружбы мнѣ не нуженъ.

Æternum vale! Въ путь иной
Меня ведетъ иная твердость.
Межъ нами вѣчною стѣной
Неумолимо встала—гордость.

ЭПИЛОГЪ.

Очарованье своихъ же обѣтовъ,
Жажда любви и незнанье о ней...
Что же осталось отъ блещущихъ дней?
Новый портретъ въ галереѣ портретовъ,
Новая тѣнь межъ тѣней.

Нѣсколько строкъ изъ любимыхъ поэтовъ,
Прелесть опасныхъ, иныхъ ступеней...
Вотъ и разгадка таинственныхъ дней!
Лишній портретъ въ галереѣ портретовъ,
Лишняя тѣнь межъ тѣней.

НЕ ВЪ НАШЕЙ ВЛАСТИ.

Возвращеніе въ жизнь—не обманъ, не измѣна.
Пусть твердимъ мы: «Твоя, вся твоя!» чуть дыша,
Все же сердце вернется изъ плѣна,
И вернется душа.

Эти рѣчи въ бреду не обманны, не лживы,
(Развѣ можетъ солгать,—ошибается бредъ!)
Но проходятъ недѣли,—мы живы,
Забывая обѣтъ.

Въ этотъ мигъ разставанья мучительно-скорый
Намъ казалось: на солнцѣ навѣкъ пелена,
Намъ казалось: подвинутся горы,
И погаснетъ луна.

Въ этотъ горестный мигъ—на печаль или радость—
Мы и душу и сердце, мы все отдаемъ,
Прозрѣвая великую сладость
Въ отрѣшеньѣ своемъ.

Къ утѣшителю-сну простираются руки,
Мы томительно спимъ отъ зари до зари...
Но за дверью знакомые звуки:
«Мы пришли, отвори!»

Въ этотъ мигъ, улыбаясь раздвинутымъ стѣнамъ,
Мы кидаемся въ жизнь, облегченно дыша.
Наше сердце смѣется надъ плѣномъ,
И смѣется душа!

РАСПЯТІЕ.

Ты помнишь? Розовый закатъ
Ласкаль дрожащiе листы,
Кидая лучъ на темный скать
И темные кресты.

Лилось заката торжество,
Смывая боль и тайный грѣхъ,
На тѣльце нѣжное Того,
Кто распять былъ за всѣхъ.

Закатъ погасъ; въ послѣдній разъ
Блеснуло золото кудрей,
И такъ свѣтло взглянулъ на насъ
Малютка Назарей.

Мой другъ, незнаніемъ томимъ,
Ты вдаль шаговъ не устреми:
Тамъ правды нѣтъ! Будь вѣчно съ Нимъ
И съ нѣжными дѣтьми.

И, если сны тебѣ велятъ
Итти къ «безвѣстной красотѣ»,
Ты вспомни безответный взглядъ
Ребенка на крестъ.

ПРИВѢТЬ ИЗЪ БАШНИ.

Скоро вечеръ: отъ тьмы не укрыться,
Чья-то тѣнь замелькаетъ въ окнѣ...
Уѣзжай, уѣзжай же, мой рыцарь,
На своемъ золотистомъ конѣ!

Въ неизвѣстномъ, въ сіяющемъ свѣтѣ
Помяни незнакомку добромъ!
Ужъ играетъ измѣнчивый вѣтеръ
Золотымъ и зеленымъ перомъ.

Здѣсь оконца узорныя узки,
Здѣсь и утромъ портреты въ тѣни...
На зеленомъ, на солнечномъ спускѣ
Незнакомку добромъ помяни!

Видитъ Богъ, отъ судьбы не укрыться.
Чья-то тѣнь замелькала въ окнѣ...
Уѣзжай, уѣзжай же, мой рыцарь,
На своемъ золотистомъ конѣ!

РЕЗЕДА И РОЗА.

Одинъ маня, другой съ полуугрозой,
Идутъ цвѣты блестящей чередой.
Мы на зарѣ клянемся только розой,
Но въ поздній часъ мы дышемъ резедой.

Одинъ въ пути плѣняется мимозой,
Другому ландышъ милъ, блестя въ росѣ.—
Но на зарѣ мы дышемъ только розой,
Но резедою мы кончаемъ всѣ!

ИТОГЪ ДНЯ.

Ахъ, какая усталость подъ вечеръ!
Недовольство собою и міромъ и всѣмъ!
Слишкомъ много я имъ улыбалась при встрѣчѣ,
Улыбалась, не зная зачѣмъ.

Слишкомъ много вопросовъ безъ жажды
За отвѣтъ заплатитъ возліяніемъ слезъ.
Говорили, гадали, и каждый
Неизвѣстность съ собою унесъ.

Слишкомъ много потупленныхъ взоровъ,
Слишкомъ много ненужныхъ бесѣдъ въ терему,
Вышиванія бисеромъ слишкомъ ненужныхъ узоровъ.
Вотъ гирлянда, вотъ ангель... Къ чему?

Ахъ, какая усталость! Какъ слабы
Наши лучшіе сны! Какъ легка въ обыденность ступень
Я могла бы уйти, я замкнуться могла бы...
Я Христа предавала весь день!

МОЛИТВА ЛОДКИ.

Въ тихую пристань, гдѣ зыблются лодки,
И отдыхаютъ отъ бурь корабли,
Ты, Всемогущій, и Мудрый, и Кроткій,
Мнѣ, утомленной и маленькой лодкѣ,
Мирно приплыть повели.
Въ тихую пристань, гдѣ зыблются лодки,
И, отдыхая, грустятъ корабли.

ПРИЗРАКЪ ЦАРЕВНЫ.

Съ темной вѣткою шепчется вѣтка,
Подъ ногами ложится трава,
Гдѣ-то плачетъ сова...
Дай мнѣ руку, пугливая дѣтка!

Я съ тобою, твой рыцарь и другъ,
Ты тихонько дрожишь почему-то.
Не ломай своихъ рукъ,
А плащемъ ихъ теплѣе закутай.

Много странствій онъ видѣлъ и чашъ,
Въ немъ отъ пуль непріятельскихъ дыры.
Ты закутайся въ плащъ:
Здѣсь туманы ползучіе сыры,

Здѣсь сгоришь на болотномъ огнѣ!
Беззащитныя руки ломая,
Ты напомнила мнѣ
Ту царевну изъ дальняго мая,

Ту, любимую слишкомъ давно,
Чьи уста, какъ рубины горѣли...
Преодо мною окно
И головка въ плѣну ожерелій.

Нѣжный взоръ удержать не сумѣлъ,
Я, обнявъ, оторвался жестоко...
Какъ я могъ, какъ я смѣлъ
Погубить эту розу Востока!

Съ темной вѣткою шепчется вѣтка,
Небосклонъ предразсвѣтный сѣрѣй.
Дай мнѣ руку скорѣй
На прощанье, пугливая дѣтка!

ПИСЬМО НА РОЗОВОЙ БУМАГЪ.

Въ какой-то дальней рейнской сагѣ
Печальный юноша-герой
Сжигаетъ позднею порой
Письмо на розовой бумагѣ.

И я, какъ рыцарь (безъ пера,
Увы, безъ шлема и безъ шпаги!),
Письмо на розовой бумагѣ
На канделябрѣ сжегъ вчера.

Его въ походъ умчали флаги,
Фанфары смѣхъ и боя пыль,
И онъ, счастливый, позабылъ
Письмо на розовой бумагѣ.

Оно погубило на огнѣ,
Но шелеститъ при каждомъ шагѣ,
Письмо на розовой бумагѣ
Ужъ не на мнѣ оно,—во мнѣ!

Пусть забываетъ въ дальней сагѣ
Печальный рыцарь грусть свою,—
Ахъ, я въ груди его таю,
Письмо на розовой бумагѣ!

ДВА ИСХОДА.

I.

Со мной въ ночи шептались тѣни,
Ко мнѣ ласкались кольца дыма,
Я знала тайны всѣхъ растеній
И пѣсни всѣхъ колоколовъ,—
А люди мимо шли безъ словъ,
Куда-то вдаль спѣшили мимо.

Я трепетала каждой жилкой
Среди безмолвія ночного,
Надъ жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Я не жила,—такъ было встарь.
Что было встарь, то будетъ снова.

II.

Съ тобой въ ночи шептались тѣни,
Къ тебѣ ласкались кольца дыма,
Ты знала тайны всѣхъ растеній
И пѣсни всѣхъ колоколовъ,—
А люди мимо шли безъ словъ,
Куда-то вдаль спѣшили мимо.

Ты трепетала каждой жилкой
Среди безмолвія ночного,
Надъ жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Ты не жила,—такъ было встарь.
Что было встарь,—не будетъ снова

ОСУЖДЕННЫЯ.

Сестрамъ Туреневымъ.

У нихъ глаза одни и тѣ же
И тѣ же голоса.
Одна цвѣтокъ неживше-свѣжій,
Другая лучъ, что блещеть рѣже,
Въ глазахъ у третьей—небо. Гдѣ же
Такіе встрѣтишь небеса?

Имъ отдала при первой встрѣчѣ
Я чайныя свое.
Одна глядитъ, какъ таютъ свѣчи,
Другая вся въ капризной рѣчи,
А третьей такъ поникли плечи,
Что плачешь за нее.

Одна, безмолвіемъ пугая,
Подъ игомъ тишины;
Еще измѣнчива другая,
А третья ждетъ, изнемогая...
И всѣ, отъ жизни убѣгая,
Уже осуждены.

Москва, осень 1910 г.

ИЗЪ СКАЗКИ ВЪ ЖИЗНЬ.

Хоть въ вагонѣ темномъ и неловко,
Хорошо подь шумъ колесъ уснуть!
Добрый путь, Жемчужная Головка,
Добрый путь!

Никому—съ участиемъ или гнѣвно—
Не позволъ въ былое заглянуть.
Добрый путь, погибшая царевна,
Добрый путь!

ВЪ ЗЕРКАЛЪ КНИГИ М. Д.-В.

Это сердце—мое! Эти строки—мои!
Ты живешь, ты во мнѣ, Марселина!
Ужъ испуганный стихъ не молчить въ забытьи,
И слезами растаяла льдина.

Мы вдвоемъ отдались, мы страдали вдвоемъ,
Мы, любя, полюбили на муку!
Та же скорбь насъ пронзила и тѣмъ же копьемъ,
И на лбу утомленно-горячемъ своемъ
Я прохладную чувствую руку.

Я, лобзанья прося, получила копье!
Я, какъ ты, не нашла властелина!..
Эти строки—мои! Это сердце—мое!
Кто же, ты или я—Марселина?

ЭСТЕТЫ.

Наши встрѣчи,—только ими дышемъ всѣ мы,
Ихъ предчувствіе лелѣя въ каждомъ мигѣ,—
Вы узнаете, разрѣзавъ наши книги.
Все, что любимъ мы и вѣримъ—только темы.

Сновидѣніе другъ другу подаривъ, мы
Разстаемся, въ жаждѣ новыхъ сновидѣній,
Для себя и для другого—только тѣни,
Для читающихъ объ этомъ—только риемы.

ОНЪ И МЫ.

Героини испанскихъ преданій
Умирали, любя,
Безъ укоровъ, безъ слезъ, безъ рыданій.
Мы же дѣтски боимся страданій
И умѣемъ лишь плакать, любя.

Пышность замковъ, разгульность охоты,
Испытанья тюрьмы,—
Все насъ манить, но спросятъ насъ: «Кто ты?»
Мы согнать не сумѣемъ дремоты
И сказать не сумѣемъ, кто мы.

Мы всѣ книги подъ рядъ, всѣ напѣвы!
Потому на зарѣ
Дѣтскій грѣхъ непонятенъ намъ Евы.
Потому, какъ испанскія дѣвы,
Мы не гибнемъ, любя, на кострѣ.

ЕСЛИ СЧАСТЬЕ...

Лидіи Александровны Тамбуреръ:

Если счастье стукнетъ въ дверь,
Черезъ годы иль теперь,
Я «войди» ему, повѣрь,
Не отвѣчу!
Если счастью я нужна,
Пусть померзнетъ у окна,
Пусть заслужить (чья вина?)
Эту встрѣчу.

Если счастья голосъ тихъ,
Если рѣчь его, какъ стихъ
Лаской каплей дождевыхъ
Бьется въ крышу,—
Я подумаю: «Не мощъ
Въ этихъ звукахъ; это дождь
Прилетѣлъ изъ темныхъ рошъ.»
Не разлышу!

Если счастья голосъ гордъ,
Какъ воинственный аккордъ,
Если мощенъ онъ и твердъ
Властью ада,—
Я скажу ему: «Ты звѣрь,
Ты на жертву рвешься въ дверь!
Этихъ ужасовъ, повѣрь,
Мнѣ не надо!»

(Не окончено).

НА КОНЦЕРТЪ.

Странный звукъ издавала въ тотъ вечеръ старинная скрипка:
Человѣческимъ горемъ—и женскимъ!—звучалъ ея плачь.
Улыбался скрипачъ.
Безъ конца къ утомленнымъ губамъ возвращалась улыбка.

Странный взглядъ посылала къ эстрадѣ изъ сумрачной ложи
Незнакомая дама въ уборѣ лиловыхъ камней.
Взглядъ картинъ и тѣней!
Неразгаданный взглядъ, на рыданіе скрипки похожій.

Къ инструменту летѣлъ онъ стремительно-властно и прямо.
Стонъ аккорда,—и вдругъ оборвался томительный плачь...
Улыбался скрипачъ,
Но глядѣла въ партеръ—безучастно и весело—дама.

ОБЛАЧКО.

Облачко, бѣлое облачко съ розовымъ краемъ
Выплыло вдругъ, розовѣя послѣднимъ огнемъ.
Я поняла, что грущу не о немъ,
И закатъ мнѣ почудился—раемъ.

Облачко, бѣлое облачко съ розовымъ краемъ
Вспыхнуло вдругъ, отдаваясь вечерней судьбѣ.
Я поняла, что грущу о себѣ,
И закатъ мнѣ почудился—раемъ.

Облачко, бѣлое облачко съ розовымъ краемъ
Кануло вдругъ въ безпредѣльность движеньемъ крыла.
Плача о немъ, я тогда поняла,
Что закатъ мнѣ—почудился раемъ.

РОЗОВЫЙ ДОМИКЪ.

Межь великановъ-сосѣдей, какъ гномикъ
Онъ удивлялся всему.
Маленькій розовый домикъ,
Чѣмъ онъ мѣшалъ и кому?

Чуть потемнѣетъ, въ закрытыя ставни
Тихо стучить волшебство.
Домикъ смиренный и давній,
Чѣмъ ты смутилъ и кого?

Тамъ засмѣются, мы смѣху отвѣтимъ.
Фея откроетъ Эдемъ...
Домикъ, понятный лишь дѣтямъ,
Чѣмъ ты грѣшилъ, передъ кѣмъ?

Лучшія радости съ нимъ погребли мы,
Феи нырнули во тьму...
Маленькій домикъ любимый,
Чѣмъ ты мѣшалъ и кому?

ДО ПЕРВОЙ ЗВЪЗДЫ.

До первой звѣзды (есть ли звѣзды еще?
Вѣдь все измѣняетъ тайкомъ!)
Я буду молиться—кому?—горячо,
Безумно молиться—о комъ?

Молитва (равно вѣдь, о комъ и кому!)
Растопить и вѣчные льды.
Я буду молиться въ своемъ терему
До первой, до первой звѣзды!

БАРАБАНЪ.

Въ майское утро качать колыбель?
Гордую шею въ арканъ?
Плѣнницѣ—прялка, пастушкѣ—свирѣль,
Мнѣ—барабанъ.

Женская доля меня не влечеть:
Скуки боюсь, а не ранъ!
Все мнѣ даруетъ,—и власть и почетъ
Мой барабанъ.

Солнышко встало, деревья въ цвѣту...
Сколько невиданныхъ странъ!
Всякую грусть убивай на лету,
Бей, барабанъ!

Быть барабанщикомъ! Всѣхъ впереди!
Все остальное—обманъ!
Что покоряетъ сердца на пути,
Какъ барабанъ?

В. Я. БРЮСОВУ.

Улыбнись въ мое «окно»,
Иль къ шутамъ меня причисли,—
Не измѣнишь, все равно!
«Острыхъ чувствъ» и «нужныхъ мыслей»
Мнѣ отъ Бога не дано.

Нужно пѣть, что все темно,
Что надъ міромъ сны нависли...
— Такъ теперь заведено.—
Этихъ чувствъ и этихъ мыслей
Мнѣ отъ Бога не дано!

КОШКИ.

Максу Волошину.

Онѣ приходятъ къ намъ, когда
У насъ въ глазахъ не видно боли.
Но боль пришла—ихъ нѣту болѣ:
Въ кошачьемъ сердцѣ нѣтъ стыда!

Смѣшно, не правда ли, поэтъ,
Ихъ обучать домашней роли.
Онѣ бѣгутъ отъ рабской доли:
Въ кошачьемъ сердцѣ рабства нѣтъ!

Какъ ни мани, какъ ни зови,
Какъ ни балуй въ уютной холѣ,
Единый мигъ—онѣ на волѣ:
Въ кошачьемъ сердцѣ нѣтъ любви!

МОЛИТВА МОРЮ.

Солнце и звѣзды въ твоей глубинѣ,
Солнце и звѣзды вверху, на просторѣ.
Вѣчное море,
Дай мнѣ и солнцу и звѣздамъ отдаться вдвойнѣ.

Сумракъ ночей и улыбку вари
Дай отразить въ успокоенномъ взорѣ.
Вѣчное море,
Дѣтское горе мое усыпи, залечи, раствори.

Влей въ это сердце живую струю,
Дай отдохнуть отъ терпѣнія—въ спорѣ.
Вѣчное море,
Въ мощныя воды твои свой безпомощный духъ предаю!

ЖАЖДА.

Лидіи Александровны Тамбуреръ.

Наше сердце тоскуеть о пирѣ
И не спорить и все позволяеть.
Почему же ничто въ этомъ мѣрѣ
Не утоляеть?

И рубины, и розы, и лица,—
Все вблизи безнадежно тускнѣеть.
Наше сердце о книги пылится,
Но не умнѣеть.

Вотъ и югъ,—мы томились по зною...
Былъ онъ дерзокъ,—теперь умоляеть...
Почему же ничто подъ луною
Не утоляеть?

ДУША И ИМЯ.

Пока огнями смѣется балъ,
Душа не уснетъ въ покоѣ.
Но имя Богъ мнѣ иное даль:
Морское оно, морское!

Въ круженьѣ вальса, подъ нѣжный вздохъ
Забуть не могу тоски я.
Мечты инья мнѣ подалъ Богъ:
Морскія онѣ, морскія!

Поеть, огнями манящей валь,
Поеть и зоветъ, сверкая.
Но душу Богъ мнѣ иную даль:
Морская она, морская!

ВОЛШЕБСТВО.

Чуть полночь бьютъ куранты,
Сверкають діаманты,
Инкогнито пестро.
(Опишешь ли, перо,
Волшебную картину?)
Заслышавъ каватину,
Раздвинуль паутину
Лукавый Фигаро.

Коралловые гребни
Вздымаются волшебнѣй
Надъ клубомъ сѣрыхъ змѣй;
Но губки розовѣй,
Чѣмъ алые кораллы.
Подъ музыку изъ залы
Румянецъ блѣдно-алый
Нахлынулъ до бровей.

Вездѣ румянецъ зыбкій,
На потолокъ улыбки,
Улыбки на стѣнахъ...
Откормленный монахъ
Глядитъ въ бутылку съ ромомъ.
Въ нарѣчьѣ незнакомомъ
Бесѣдуетъ съ альбомомъ
Старинный альманахъ.

Саксонскія фигурки
Устраиваютъ жмурки.
«A vous, marquis, veuillez!»
Хочетъ chevalier...
Безшумнѣй силуэты,
Безумнѣй пируэты,
И у Антуанэты
Срывается кольцо!

НА ВОЗУ.

Что за жалобная нота
Лѣтней ночью стукъ телѣгъ
Кто-то ѣдетъ, для кого-то
Далеко ночлегъ.

Цѣлый день шумѣли грабли
На откосѣ, на лужкѣ.
Вожжи новыя ослабли
Въ молодой рукѣ.

Счастье видится воочью:
Въ небѣ звѣзды,—сны внизу.
Хорошо іюльской ночью
На большомъ возу!

Завтра снова будетъ круто:
Знай работай, знай молчи.
Хорошо ему, кому-то,
На возу въ ночи!

ВОЖДЯМЪ.

Срокъ исполненъ, вожди! На подмости
Вамъ судебъ и время колесо!
Мой удѣлъ—съ мальчуганомъ въ матроскѣ
Погонять золотое серсо.

Ураганомъ святого безумья
Поднимайтесь, вожди, надъ толпой!
Все безумье отдамъ безъ раздумья
За весеннее: «Пой, птичка, пой».

ІЮЛЬ—АПРѢЛЮ.

Какъ съ задумчивыхъ сосенъ струится смола,
Такъ текутъ ваши слезы въ апрѣлѣ.
Въ нихъ весеннему дань и прости колыбели
И печаль молодого ствола.

Вы листочку сродни и зеленой корѣ,
Полудѣти еще и дріады.
Что деревья шумять, что журчатъ водопады
Понимали и мы—на зарѣ!

Вамъ струистыя кудри клонить въ водоемъ,
Вамъ, дріадамъ, кружить по аллеѣ...
Но и насъ, своенравныя дѣвочки-фен,
Помяните въ апрѣлѣ своемъ!

ВЕСНА ВЪ ВАГОНЪ.

Встають, встають за дымкой синей
Зеленые холмы.
Въ травѣ, какъ прежде, маргаритки,
И чьи то глазки у калитки...
Но этой сказки героини
Апрѣльскія—не мы!

Ты улынулась намъ, Марія,
(Ты улыбалась снамъ!)
Твой ликъ, прозрачнѣй анемоны,
Мы помнишь въ пламени короны...
Но этой встрѣчи феерія
Апрѣльская—не намъ!

Гурзуфъ, 1-го мая 1911 г.

ОКА.

I.

Волшебство нѣмецкой фееріи,
Томный вальсъ, нѣмецкій и простой...
А луга покинутой Россіи
Зацвѣли куриной слѣпотой.

Милый лугъ, тебя мы такъ любили,
Съ золотой тропинкой у Оки...
Межъ стволовъ сплужаютъ автомобили,—
Золотые майскіе жуки.

II.

Ахъ, золотые деньки!
Гдѣ уголки потайные,
Гдѣ вы, луга заливные
Синей Оки?

Старья липы въ цвѣту,
Къ взрослому міру презрѣнье
И на жаровнѣ варенье
Въ старомъ саду.

Къ Богу идутъ облака;
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещеть Ока.

Дѣтство верни намъ, верни
Всѣ разноцвѣтныя бусы,—
Маленькой, мирной Тарусы
Лѣтніе дни.

III.

Все у Боженьки—сердце! Для Бога
Ни любви, ни даровъ, ни хвалы...
Ахъ, золотая дорога!
По бокамъ молодые стволы!

Что мнѣ трепеть архангельскихъ крылій?
Мой утраченный рай въ уголкѣ,
Гдѣ вереницею плыли
Золотые плоты по Окѣ.

Пусть крыжевникъ незрѣлый, несладкій,—
Безъ конца шелухи подь кустомъ!
Крупныя буквы въ тетрадкѣ,
Поцѣлуи безъ счета потомъ.

Ни въ молитвѣ, ни въ пѣснѣ, ни въ гимнѣ
Я забвенья найти не могу!
Раннее дѣтство верни мнѣ
И березки на тихомъ лугу.

IV.

Бѣжить тропинка съ бугорка,
Какъ бы подъ дѣтскими ногами,
Все такъ же сонными лугами
Лѣниво движется Ока;

Колокола звонять въ тѣни,
Спѣшать удары за ударомъ,
И все поютъ о добромъ, старомъ,
О дѣтскомъ времени они.

О, дни, гдѣ утро было рай
И полдень рай и всѣ закаты!
Гдѣ были шпагами лопаты
И замкомъ царственнымъ сарай.

Куда ушли, въ какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все такъ же сонно-тяжело
Качаются на клумбахъ мальвы...

V.

Въ свѣтломъ платьицѣ, давно-знакомомъ,
Улыбнулась я себѣ изъ тьмы.
Старый садъ шумить за старымъ домомъ...
Почему не маленькіе мы?

Почернѣла дождевая кадка,
Вензеля на рубчатой корѣ,
Заросла крокетная площадка,
Заросли тропинки на дворѣ...

Не цѣлуй! Скажу тебѣ, какъ другу:
Цѣловать не надо у Оки!
Почему по скошенному лугу
Не помчатся на перегонки?

Мы вдвоемъ, но, милый, не легко мнѣ,—
Невозвратное меня зоветь!
За Окой стучать въ каменоломнѣ,
По Окѣ минувшее плыветь...

Вечеръ тихъ,—не надо поцѣлуя!
Ужъ на клумбахъ задремаль левкой...
Только клумбы пестрыя люблю я
И каменоломню надъ Окой.

НА РАДОСТЬ.

С. Э.

Ждутъ насъ пыльные дороги,
Шалаши на часъ
И звѣриныя берлоги
И старинные чертоги...
Милый, милый, мы, какъ боги:
Цѣлый мiръ для насъ!

Всюду дома мы на свѣтѣ,
Все зовя своимъ.
Въ шалашѣ, гдѣ чинятъ сѣти,
На сияющемъ паркетѣ...
Милый, милый, мы, какъ дѣти:
Цѣлый мiръ двоимъ!

Солнце жожеть,—на сѣверъ съ юга,
Или на луну!
Имъ очагъ и бремя плуга,
Намъ просторъ и зелень луга...
Милый, милый, другъ у друга
Мы навѣкъ въ плѣну!

ГЕРЦОГЪ РЕЙХШТАДТСКІЙ.

Изъ свѣтлаго круга печальныхъ невѣсть
Не разъ долетали призывы.
Что нѣжныя губы! Вздымались до звѣздъ
Его молодые порывы!

Что жалобы скрипокъ, что ночи, какъ медь,
Что мертвыя статуи въ паркѣ?
Иному навстрѣчу! Побѣда не ждетъ,
Не ждутъ триумфальныя арки.

Пусть пламенемъ пестрымъ кипитъ маскарадъ,
Пусть шутить съ нимъ дѣдъ благосклонный,
Пусть кружатся пары,—на Сенѣ парадъ,
Парадъ у Вендомской колонны!

Родному навстрѣчу! Какъ пламя лицо,
Въ груди раскаленная лава.
И нѣжно сомкнула, вручая кольцо,
Глава ему юная слава.

ЗИМА.

Мы вспоминаемъ тихій снѣгъ,
Когда изъ блеска лѣтней ночи
Намъ улыбнутся старческія очи
Подъ тяжестью усталыхъ вѣкъ.

Ахъ, вѣдь и имъ, какъ въ наши дни,
Казались всѣ луга иными.
По вечерамъ въ волнисто-бѣломъ дымѣ
Весной тонули и они.

Въ раю затепленнымъ свѣчамъ
Огни земли казались грубы.
Съ безумной грустью розовыя губы
О нихъ шептались по ночамъ.

Подъ тихимъ пологомъ зимы
Они не плачутъ объ апрѣлѣ,
Чтобы безъ слезъ отчаянья смотрѣли
Въ лицо минувшему и мы.

Изъ нихъ судьба струитъ на насъ
Успокоенье мудрой ночи,—
И мнѣ дороже старческія очи
Открытыхъ небу юныхъ глазъ.

РОЗОВАЯ ЮНОСТЬ.

Съ улыбкой на розовыхъ лицахъ
Стоимъ у скалы мы во мракѣ.
Сгорѣло бы небо въ зарницахъ
При первомъ рѣшительномъ знакѣ,
И рухнула въ бездну скала бы
При первомъ рѣшительномъ стукѣ...
— Но, если бъ вы знали, какъ слабы
У розовой юности руки.

ПОЛНОЧЬ.

Снова стрѣлки обѣжали цѣлый кругъ:
Для кого-то много счастья позади.
Подымается съ мольбою сколько рукъ!
Сколько писемъ прижимается къ груди!

Гдѣ-то кормчій наклоняется къ рулю,
Кто-то бредитъ о коронѣ и жезлѣ,
Чьи-то губы прошептали: «не люблю»,
Чьи-то локоны запутались въ петлѣ.

Гдѣ-то свищутъ, гдѣ-то рыщутъ по кустамъ,
Гдѣ-то плѣннику приснились палачи,
Тамъ, въ ночи, кого-то душать, тамъ
Зажигаются кому-то три свѣчи.

Тамъ, надъ капищемъ безумья и грѣховъ
Собирается великая гроза,
И надъ томикомъ излюбленныхъ стиховъ
Чьи-то юные печалются глаза.

НЕРАЗЛУЧНОЙ ВЪ ДОРОГУ.

Стоишь у двери съ саквояжемъ.
Какая грусть въ лицѣ твоёмъ!
Пока не поздно, хочешь, скажемъ
Въ послѣдній разъ стихи вдвоемъ.

Пусть повторяетъ общій голосъ
Донынѣ общія слова,
Но сердце на два расколосось
И общій путь—на разныхъ два.

Пока не поздно, надъ роялемъ,
Какъ встарь, головку опусти.
Двойнымъ улыбкамъ и печалямъ
Споемъ послѣднее прости.

Пора! Завязаны картонки,
Въ ремни давно затянуть пледъ...
Храни Господь твой голосъ звонкій
И мудрый умъ въ шестнадцать лѣтъ!

Когда надъ лѣсомъ и надъ полемъ
Всѣ небеса замрутъ въ звѣздахъ,
Двѣ неразлучныхъ къ равнымъ долямъ
Помчатся въ разныхъ поѣздахъ.

БОНАПАРТИСТЫ.

Длинные кудри склонила къ землѣ,
Словно вдова молчаливо.
Вспомнилось,—тамъ, на гранитной скалѣ,
Тоже плакучая ива.

Бѣдная ива кавалась сестрой
Царскому плѣннику въ клѣткѣ,
И улыбался плѣненный герой,
Глядя пушистыя вѣтки.

День Аустерлица—обманъ, волшебство,
Легкая пѣна прилива...
«Помните, тамъ на могилѣ Его
Тоже плакучая ива.

Съ ранняго дѣтства я—сплю и не сплю—
Вижу гранитныя глыбы.»
«Любите? Знаете?»—«Знаю! Люблю!»
«Съ Нимъ въ заточеньѣ пошли бы?»

«За Императора—сердце и кровь,
Все—за святыя знамена!»
Такъ началась роковая любовь
Именемъ Наполеона.

КОНЬКОБЪЖЦЫ.

Ася и Борису.

Башлыкъ откинула на плечи:
Смѣшно кататься въ башлыкѣ!
Смѣется,—развѣ на каткѣ
Бываютъ роковыя встрѣчи?

Смѣясь надъ «встрѣчей роковой»,
Свѣтло сверкаютъ два алмаза,
Два широко раскрытыхъ глаза
Изъ-подъ опушки мѣховой.

Все удастся, всѣ фигуры!
Ахъ, эта музыка и ледь!
И какъ легко ее ведетъ
Ея товарищъ бѣлокурый.

Ужъ двадцать пять круговъ подъ рядъ
Они летятъ по синей глади.
Ахъ, изъ подъ шапки эти пряди!
Ахъ, исподлобья этотъ взглядъ!

.....

Поникли узенькія плечи
Ея, что мчалась налегкѣ.
Ошиблась, Ася: на каткѣ
Бываютъ роковыя встрѣчи!

ПЕРВЫЙ БАЛЪ.

О, первый балъ—самообманъ!
Какъ первая глава романа,
Что по ошибкѣ дѣтямъ данъ,
Его просившимъ слишкомъ рано;

Какъ радуга въ струяхъ фонтана
Ты, первый балъ,—самообманъ.
Ты, какъ восточный талисманъ,
Какъ подвиги въ стихахъ Ростана.

Огни сквозь розовый туманъ,
Видѣнья пестраго экрана...
О, первый балъ—самообманъ!
Незаживающая рана!

СТАРУХА.

Слово странное—старуха!
Смысль неясенъ, звукъ угрюмъ,
Какъ для розоваго уха
Темной раковины шумъ.

Въ немъ—непонятое всѣми,
Кто мгновенія экранъ.
Въ этомъ словѣ дышетъ время
Въ раковинѣ—океанъ.

ДОМИКИ СТАРОЙ МОСКВЫ

Слава прабабушекъ томныхъ,
Домики старой Москвы,
Изъ переулочковъ скромныхъ
Всѣ исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Гдѣ потолки росписные,
До потолковъ зеркала?

Гдѣ клавесина аккорды,
Темныя шторы въ цвѣтахъ,
Великолѣпныя морды
На вѣковыхъ воротахъ,

Кудри, склоненныя къ пальцамъ,
Взгляды портретовъ въ упоръ...
Странно постукивать пальцемъ
О деревянный заборъ!

Домики съ знакомъ породы,
Съ видомъ ея сторожей,
Васъ замѣнили уроды,—
Грузные, въ шесть этажей.

Домовладѣльцы—ихъ право!
И погибаете вы,
Томныхъ прабабушекъ слава,
Домики старой Москвы.

«ПРОСТИ» ВОЛШЕБНОМУ ДОМУ.

Въ неосвѣщенной передней я
Молча присѣла на ларь.
Темный узоръ на портьерѣ,
Съ мѣдными ручками двери...
Въ эти минуты послѣднія
Все полюбилось, какъ встарь.

Быль заповѣдными соснами
Въ темномъ бору вѣковомъ
Прежде нашъ домикъ любимый.
Нѣжно его берегли мы,
Домъ съ небывалыми веснами,
Съ дивными зимами домъ.

Первыя игры и басенки
Быстро смѣнились другимъ.
Домъ притаился волшебный,
Стали большими царевны.
Но для меня и для Асеньки
Быль онъ всегда дорогимъ.

Зала отъ сумрака синяя,
Жажда великихъ путей,
Пренебреженъ къ наукѣ,
Переплетенныя руки,
Свѣтлые замки изъ инея
И ожиданье гостей

Возгласы эти и пѣсенки
Чуть раздавался звонокъ!
Чье-нибудь близко участие?
Господи, можетъ-быть счастье?
И черезъ залу по лѣсенкѣ
Стукъ убѣгающихъ ногъ...

НА ВОКЗАЛѢ.

Два звонка уже и скоро третій,
Скоро взмахъ прощальнаго платка...
Кто пойметъ, но кто забудетъ эти
Пять минутъ до третьяго звонка?

Рѣшено за поѣздомъ погнаться,
Всѣ цвѣты любимой кинуть вслѣдъ.
Наимладшему изъ нихъ тринадцать,
Наистаршему подъ двадцать лѣтъ.

Догонять ее, что станетъ силы,
«Добрый путь» кричать до хрипоты.
Самый младшій не сдержался, милый:
Двѣ слезинки капнули въ цвѣты.

Кто мудрецъ, забылъ свою науку,
Кто храбрецъ, забылъ свое: «воюй!»
«Ася, руку мнѣ!» и «Ася, руку!»
(Про себя тихонько: «Поцѣлуй!»)

Поѣздъ тронулся—на волю Божью!
Тяжкій вѣдохъ какъ бы одной души.
И цвѣты кидали ей къ подножью
Ветераны, рыцари, пажи.

Брестскій вокзалъ, 3-го декабря 1911 г.

ИЗЪ СКАЗКИ—ВЪ СКАЗКУ.

Все твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрѣльскихъ дней,
Все, что такъ тянулось къ небу,—
Но разумности не требуй.
Я до самой смерти буду
Дѣвочкой, хотя твоей.

Милый, въ этотъ вечеръ зимній
Будь, какъ маленькій, со мной.
Удивляться не мѣшай мнѣ,
Будь, какъ мальчикъ, въ страшной тайнѣ
И остаться помоги мнѣ
Дѣвочкой, хотя женой.

ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ПРОКУРОРАМЪ.

Все таить, чтобы люди забыли,
Какъ растаявшій снѣгъ и свѣчу?
Быть въ грядущемъ лишь горсточкой пыли
Подъ могильнымъ крестомъ? Не хочу!

Каждый мигъ, содрогаясь отъ боли,
Къ одному возвращаюсь опять:
Навсегда умереть! Для того ли
Мнѣ судьбою дано все понять?

Вечеръ въ дѣтской, гдѣ съ куклами сяду
На лугу паутинную нить,
Осужденную душу по взгляду...
Все понять и за всѣхъ пережить!

Для того я (въ проявленномъ — сила
Все родное на судъ отдаю,
Чтобы молодость вѣчно хранила
Безпокойную юность мою.

СОДЕРЖАНИЕ.

Читателю	5
--------------------	---

Дѣточки.

Мамѣ	9
Въ субботу	10
«Курлыкъ»	11
Послѣ праздника	12
Въ классѣ	13
На бульварѣ	14
Совѣтъ	15
Мальчикъ съ розой	16
Дѣвочка-смерть	17
Мальчикъ-бредъ	18
Принцъ и лебеди	19
За книгами	20
Неравные братья	21
Скучныя игры	22
Мятежники	23
Живая цѣпочка	24
Баярдъ	25
Мама на дачѣ	26
Жарь-птица	27
«Такъ»	29
Въ скверѣ	30
Послѣ гостей	31
Конецъ сказки	32
Болѣзнь	33
Въ сонномъ царствѣ	34
Бабушкинъ внучекъ	35
Венера	36
Контрабандисты и бандиты	37
Рождественская дама	38
Бѣлоснѣжка	39
Дѣтскій день	40

Пріѣздъ	41
Паромъ	42
Осень въ Тарусѣ	43

Дѣти растутъ.

Колыбельная пѣсня Асѣ	47
Подрастающей	48
Въ пятнадцать лѣтъ	49
Волшебникъ	50
Первая роза	52
Исповѣдь	53
Угольки	54
Дикая воля	55
Гимназистка	56
Тройственный союзъ	57
Поклонникъ Байрона	58
«Онъ былъ синеглазый и рыжій»	59
Подъ дождемъ	60
Дѣтскій югъ	61
Только дѣвочка	62
Тверская	63

Не на радость.

Молитва въ столовой	67
«Мы съ тобою лишь два отголоска»	68
Юнгъ	69
Очагъ мудреца	70
Путь креста	71
Памятью сердца	72
Добрый путь!	73
Побѣда	74
Въ раю	75

Ни здѣсь, ни тамъ	76
Послѣдняя встрѣча	77
На зарѣ	78
«И какъ прежде онѣ улыбались»	79
Зимняя сказка	80
«И ужь опять онѣ въ полуистомѣ»	81
Декабрьская сказка	82
Подъ новый годъ	84
Декабрь и январь	85
Слезы	86
Aeternum vale	87
Эпилогъ	88
Не въ нашей власти	89
Распятіе	90
Привѣтъ изъ башни	91
Резеда и роза	92
Итогъ дня	93
Молитва лодки	94
Призракъ царевны	95
Письмо на розовой бумагѣ	97
Два исхода	98
Осужденныя	100
Изъ сказки въ жизнь	101
Въ зеркалѣ книги М. Д.—В.	102
Эстеты	103
Онѣ и мы	104
Если счастье	105
На концертѣ	106
Облачко	107
Розовый домикъ	108
До первой звѣзды	109
Барабанъ	110
В. Я. Брюсову	111
Кошки	112
Молитва морю	113
Жажда	114

Душа и имя	115
Волшебство	116
На возу	118
Вождямъ	119
Июль—апрѣлю	120
Весна въ вагонѣ	121
Ока	122
На радость	127
Герцогъ Рейхштадтскій	128
Зима	129
Розовая юность	130
Полночь	131
Неразлучной въ дорогу	132
Бонапартисты	133
Конькобѣжцы	134
Первый балъ	135
Старуха	136
Домики старой Москвы	137
«Прости» волшебному дому	138
На вокзалѣ	140
Изъ сказки—въ сказку	141
Литературнымъ прокурорамъ	142

**ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN DÉCEMBRE 1979
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE
N° 6983**

